

Ги д. Мопассан
Чужеземная душа

«ЛитПаб»

Мопассан Г. д.

Чужеземная душа / Г. д. Мопассан — «ЛитПаб»,

«Я вошел в литературу, как метеор», – шутливо говорил Мопассан. Действительно, он стал знаменитостью на другой день после опубликования «Пышки» – подлинного шедевра малого литературного жанра. Тема любви – во всем ее многообразии – стала основной в творчестве Мопассана. Произведение входит в авторский сборник «Пышка».

Содержание

ГЛАВА I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ги де Мопассан
1850 — 1893

Ги де Мопассан

Чужеземная душа

ГЛАВА I

Публики в игорном зале было немного: в тот день в Эксе, в театре нового казино, впервые шла комедия Анри Мельяка. Однако за четырьмя игорными столами, по сторонам крупье, уже теснились привычным кругом, стоя или сидя, мужчины и женщины – неумомимые игроки, завсегдатаи рулетки. В остальной части зала было тихо: пустовали длинные диваны, прижавшиеся к стенам, низкие кресла по углам, стулья с уже потускневшими кожаными сиденьями. Первый салон также был безлюден. По нему ходил взад и вперед, заложив руки за спину, украшенный цепью служитель, тот благосклонный служитель, на котором лежит обязанность распознавать сомнительных лиц, пытающихся проникнуть в игорный зал, не будучи представленными администрацией, которая удостоверяет добропорядочность игроков.

Слышен был негромкий, но непрерывный звон монет: то звенел, разливаясь по четырем столам, золотой поток, поток луидоров, заглушавший своим звоном тихие, пока еще несмелые и спокойные людские голоса.

В дверях игорного зала показался высокий человек, стройный, довольно молодой. Он держал себя с непринужденностью, свойственной людям, чья юность протекла в элегантной и богатой парижской светской среде. Голова его немного облысела на макушке, но уцелевшие русые волосы мягко кудрявились на висках, а над губой изящно закруглялись красивые усы с завитыми кончиками. В его светло-голубых приветливых глазах мелькала насмешливость, а смелая, любезная и элегантно-высокомерная осанка говорила о том, что он не был ни выскочкой, недавно пробравшимся в светское общество, ни одним из тех подозрительных завсегдатаев казино, которые рыщут по миру в поисках легкой наживы.

В то мгновение, когда он собирался откинуть портьеру над дверью, которая вела в игорный зал, к нему подошел служитель.

- Не будете ли вы любезны напомнить мне ваше имя, сударь? – вежливо спросил он.
- Робер Мариоль, – ответил немедля новоприбывший. – Я записался сегодня.
- Благодарю вас, сударь.

Мариоль вошел в игорный зал, отыскивая кого-то взглядом.

Его окликнул чей-то голос, и невысокий, полный, безукоризненно одетый мужчина лет сорока подошел к нему с протянутыми руками. На нем был так называемый *смокинг* – странная куртка, которую ввел в моду принц-кутила¹ и которая напоминает одежду юноши в день первого причастия.

Мариоль взял его руки, пожал их и сказал, улыбаясь:

- Здравствуйте, дорогой Люсетт.

Граф де Люсетт, добродушный, богатый и беспечный холостяк, изо дня в день, из года в год ездил туда же, куда ездили все люди его круга, делал то же, что делали все, говорил то же, что говорили все, и благодаря своему незлобивому уму был желанным посетителем светских салонов.

- Ну, как сердце? – с подчеркнутым интересом спросил он у Мариоля.
- О, хорошо, все кончено.

---

¹ Принц-кутила. – Имеется в виду принц Уэльский (1841–1910), будущий английский король Эдуард VII, славившийся своими кутежами в Париже в 70-80-х годах.

– Совсем?

– Да.

– Ты приехал в Экс, чтобы окончательно выздороветь?

– Вот именно. Мне нужно подышать другим воздухом.

– Это верно: в том воздухе, которым человек дышал, будучи влюбленным, всегда может сохраниться опасный микроб любви.

– Нет, милый мой; больше нет ни малейшей опасности. Но я прожил с ней три года.

Мне приходится менять свои привычки, а для этого нет ничего лучше путешествия.

– Ты приехал сегодня утром?

– Да.

– И пробудешь здесь некоторое время?

– Пока не соскучусь.

– О, ты не соскучишься: здесь забавно, даже очень забавно.

И Люсетт набросал ему картину жизни в Эксе. Он очертил этот город – город ванн и казино, медицины и развлечений, город, где, съехавшись со всего света, мирно общаются друг с другом монархи, лишившиеся трона, и сомнительные богачи, для которых не нашлось места в тюрьмах. Он описал со свойственным ему юмором это единственное в своем роде смешение светских дам и продажных женщин: те и другие обедают за смежными столами, громко судачат друг о друге, а часом позже играют за одним и тем же игорным столом. Он остроумно обрисовал подозрительно непринужденные отношения, непостижимое благодушие людей, которые обычно совершенно неприступны, но, решив повеселиться в этом маленьком савойском городке, не брезгают никаким знакомством. Монархи, будущие или уже свергнутые, высочества, князья, великие или маленькие, – дядья, двоюродные братья, шурины или свояки королей, – высокопоставленные представительницы французской или международной аристократии, которые всячески подчеркивают неизмеримое расстояние, отделяющее их от простых буржуа, и которые зимою в Канне образуют непроницаемо-замкнутые аристократические группы, куда могут проложить себе доступ лишь английское лицемерие или огромные состояния американских и еврейских богачей, – все они с наступлением летней жары устремляются в шумные казино Экса, словно одержимые единственным желанием отвести душу, отказавшись от излишней разборчивости в знакомствах.

Граф де Люсетт рассказывал обо всем этом веселым, пренебрежительным тоном благовоспитанного светского человека, который, знакомя вас с каким-нибудь притоном, прекрасно себя там чувствует, подсмеивается над самим собою так же, как и над другими, и сгущает краски, чтобы усилить впечатление. Благодаря бакенбардам, подстриженным на уровне ушей, его небольшое жирное бритое лицо казалось еще круглее. С присущей ему веселой, оживленной, слегка искусственной мимикой аристократических салонных остроумцев граф де Люсетт приводил факты, называл женские имена, добродушно рассказывал пикантные эпизоды – любовные или игорные.

Мариоль слушал его, улыбаясь и порой одобрительно кивая головой, как будто наслаждался этим легкомысленным, а на самом деле заранее подготовленным рассказом. Но какая-то печальная, тщетно отгоняемая мысль, казалось, заволакивала и омрачала его голубые глаза.

Друг его умолк; наступило молчание.

– А ты знаешь последнюю гадость, которую она мне сделала? – спросил Мариоль, казалось, забывший и про Экс, и про всех тех, о ком рассказывал Люсетт.

– Какую гадость? Кто? – удивленно спросил тот.

– Анриетта.

– А! Твоя бывшая возлюбленная?

– Да.

– Нет, не знаю. Расскажи.

– Она упростила меня дать взаймы денег одной торговке подержанными вещами, а сама устраивала у нее свидания.

Люсетт расхохотался: проделка показалась ему очаровательной.

– Да, – продолжал Мариоль, – она разжалобила меня, выдав эту сводню за свою кузину. К тому же сочинила целую историю об оболыщении, о брошенном ребенке, оставшемся на руках бедной кузины, – словом, целый роман, глупейший роман, какой только и могла сочинить девица легкого поведения, достойная дочка привратника.

Люсетт продолжал смеяться:

– И ты поверил?

– Признаться, да.

– Странно! Такой человек, как ты, выросший на коленях у папаши Мариоля, хитрейшего из людей.

Мариоль слегка пожал плечами, как человек, полный презрения к себе, а может быть, и к другим.

– В делах с женщинами самые проникательные люди оказываются дураками, – сказал он как бы про себя.

– Милый мой, когда их любят, они обычно становятся дрянными.

– Это, пожалуй, слишком сильно сказано.

– Нет. Но зато когда они сами любят, это ангелы, правда, ангелы, у которых наготове когти, серная кислота и анонимные письма, порой неотвязно прицепившиеся ангелы, но все-таки ангелы – в смысле верности, самоотверженности, преданности. . . Во всяком случае, вся эта история порядком помучила тебя, хотя твоя Анриетта оказалась, кажется, непостоянной.

– Да. Но именно ее измены и подготовили мое выздоровление. Теперь я исцелился от нее.

– По-настоящему?

– По-настоящему. Три раза – это уж слишком.

– Так, значит, ты и третий раз изобличаешь ее в неверности?

– Да.

– Когда ты написал мне третьего дня, прося занять для тебя номер в гостинице, ты только что накрыл ее?

– Да.

– Значит, ты совсем недавно узнал о ее неверности?

– Ну да. Четыре дня тому назад.

– Черт возьми! Смотри, как бы болезнь не вернулась снова.

– О нет. Я ручаюсь за себя.

И Мариоль, чтобы отвести душу, рассказал Люсетту всю историю своей связи, как будто он хотел отогнать, выбросить из памяти и сердца мучившие его воспоминания, события, подробности.

Его отец, бывший сначала депутатом, затем министром, наконец, директором большого политико-финансового банка *Объединение промышленных городов* и наживший на этой последней должности крупное состояние, оставил Мариолю, своему единственному сыну, более пятисот тысяч франков ренты и дал ему перед смертью совет: жить, ничего не делая, и презирать всех других. Это был старый ловкий финансист, прожженный делец, убежденный скептик; он рано открыл своему наследнику глаза на все людские проделки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.